

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Проданик Н.В. «Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.75442 EDN: OCRSKZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75442

«Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора

Проданик Надежда Владимировна

ORCID: 0000-0003-1871-328X

кандидат филологических наук

доцент; кафедра литературы и культурологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

644099, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Партизанская, д. 4А

✉ omsk.nadezhda@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.75442

EDN:

OCRSKZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Дата публикации:

28-10-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье стали хронотопические координаты внутреннего мира повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833): петербургская «долгая зимняя ночь», «запертая дверь» и числовая символика времени. Все они ранее упоминались отечественными и зарубежными исследователями текста, но не были подробно проанализированы ими. В настоящей статье указанные хронотопические элементы впервые рассмотрены систематически, изучены в контексте пушкинского творчества 1830-х годов. Кроме того, в зоне внимания в статье оказалась нарративная организация текста: в ходе анализа выявлялась специфика использования автором лексем «казаться» и «показаться» в повествовательной ткани произведения. С помощью

этих лексем автором были воссозданы пограничные пространственно-временные координаты художественного мира "Пиковой дамы". Цель исследования – определить хронотопические элементы, относящиеся к различным жанровым моделям: новелле/нефантастической повести или сказке/повести фантастической; осознать принципы взаимодействия жанровых элементов и осмыслить жизнеощущение автора, обусловившее столь сложную природу текста. В этой связи в качестве аналитического инструментария использован комплекс методов: востребованы элементы жанрового и нарративного анализ. В результате проведенного исследования делаются выводы, что полижанровая природа «Пиковой дамы» образована синтезом жанровых элементов и их контроверзой: во внутреннем мире художественного произведения сказочный хронотоп «взрывает» будничное течение жизни, а обыденно-повествовательная наррация тормозит энергию фантастического и сказочного. Полижанровой природой текста инициируется понимание хронотопических деталей произведения в нескольких смысловых ракурсах одновременно. При этом точка зрения нарратора представляет из себя витальный контрапункт, часто выраженный лексемами «казалось» и «показалось»; этот повествовательный контрапункт лишен догматического всезнания, поскольку автор открыт всему многообразию Жизни. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при создании лекционных курсов, посвященных изучению творчества А. С. Пушкина и русской прозы XIX века.

Ключевые слова:

А. С. Пушкин, творчество Пушкина, Пиковая дама, жанр, полижанровая природа текста, жанровый синтез, жанровая контроверза, хронотоп, нарративная структура текста, гармония

Введение

Повесть «Пиковая дама», созданная А. С. Пушкиным в 1833 году, не одно столетие находится в эпицентре внимания литературных критиков и литературоведов. За это время первые споры о возможном жанре произведения (анекдот [\[1, с. 577\]](#), повесть социально-исторической проблематики [\[2, с. 364\]](#)) сменились суждениями о полижанровой природе текста [\[3, с. 68-69\]](#). Многомерная жанровая структура текста не вызывает сомнений, однако, на наш взгляд, сегодня перед учеными стоит еще одна актуальная задача: необходимо задаться вопросом о принципах взаимодействия жанровых моделей внутри художественного мира «Пиковой дамы», поскольку жанровая комбинаторика произведения рельефнее обнажает авторскую витальную позицию, сложившуюся к 1830-м годам.

Открывая для себя художественный мир «Пиковой дамы», читатель оказывается в плену стереотипного жанрового ожидания: представляется, что его ждет бытовая новелла или нефантастическая повесть. Кстати сказать, так считали и некоторые исследователи пушкинского текста [\[2, с. 363-365\]](#). Действие первой части повести идет обычной зимней ночью, а финал карточной игры совпадает с предрассветной порой. На первый взгляд, ничего не нарушает логику повествования, вполне обоснованно звучит и замечание повествователя, что «долгая зимняя ночь прошла незаметно» [\[4, с. 210\]](#) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Н. П.). Незаметное течение времени может быть объяснено психологическими причинами — игра в карты сжала временной предел, т. к. азарт отменил счет часам и минутам.

Усыпленная бдительность читателя не позволяет ему заметить, что временные координаты уже волшебным-сказочным образом сдвинуты. Такова хронологическая специфика финальных предложений первой части: «Однако пора спать: уже без четверти шесть. В самом деле, уж рассветало...» [4, с. 213]. Время рассвета в «Пиковой даме» явно противоречит природному рассветному часу: зимой в Петербурге солнце позже встает над горизонтом, к тому же «долгая зимняя ночь» попросту не может долгой, если она так рано завершается.

Основная часть

За примерами обратимся к другим текстам: так, не нарушен природно сообразный ход времени в романе «Евгений Онегин» и в повести «Барышня-крестьянка». Как доказал Ю. М. Лотман, восстанавливая хронотоп дуэли Онегина и Ленского и пользуясь при этом данными Тартуской (Дерптской) обсерватории, в день зимнего поединка (14 января 1821 года) солнце взошло только в 8 часов 20 минут. Подготовка к дуэли могла занять до получаса, и только ближе к девяти часам утра в условиях достаточной видимости дуэль состоялась [5, с. 303]. По своей длительности ночной период в «Пиковой даме» очень похож на краткую весеннюю ночь из повести «Барышня-крестьянка», где в тот же час (в начале шестого утра) солнце лишь пробивается над горизонтом: «Заря сияла на востоке, и золотые гряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя <...> Она думала ... но можно ли с точностью определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра?» [4, с. 104].

Любопытно, что в «петербургской повести» время суток сбивается со своего привычного хода после слов, имеющих жанровую прогностику и задающих движение событий сразу в двух координатах. Во-первых, в координатах бытовой новеллы, анекдота, нефантастической повести (так утвердил один игрок, воскликнув после анекдота Томского: «Случай!») и, во-вторых, в волшебном плане сказки, фантастической повести («Сказка!» – так воскликнул Германн) [4, с. 212]. Исследователи говорят о «Пиковой даме» как о синтетическом – «полижанровом образовании» [6, с. 8; 7, с. 307–315; 8, с. 40], однако полагаем, что в некоторых случаях здесь можно наблюдать вместе с синтезом жанров и их контроверзу, поскольку черты одного жанра вступают в противоречие с чертами жанра другого. Например, в хронотопе «долгой зимней ночи», завершающейся столь рано, демонстрируется сказочное течение времени. Такое необъяснимое сокращение зимнего ночного периода, противоречащее природному закону, противоречит жанру реалистической повести, копирующей действительность. В сказке же, как отмечал Д. С. Лихачев, есть чудесная легкость мира, она обусловлена отсутствием сопротивления материальной среды, следствием чего и становится отмена законов природы [9, с. 339–340].

Вместе с тем нарративное решение этого сказочного хронотопа выглядит вполне реалистически, неволшебным: нарратор никак эмоционально не акцентирует чудесную смену времени суток. Интонационное спокойствие нарратора не дает читателю сразу заметить этот хронологический парадокс. Тем самым формируется полижанр, в котором, наряду с контроверзой жанров сказки и новеллы/повести, соединяются сказочный хронотоп и его реалистически бытовая наррация.

Принципы синтеза и контроверзы элементов разных жанров еще более отчетливо видны на примере другого фрагмента «Пиковой дамы». В произведении к сказочному хронотопу апеллирует числовая символика — события часто происходят в «волшебные» «три», «двенадцать» часов. Указание же минут при этих часах — «без четверти три», «двадцать

минут двенадцатого», «половина двенадцатого» — словно возвращает бытие из волшебного топоса в прозаический: в тот бытовой мир, который расчислен в пространстве и времени. Согласимся с мнением Н. Н. Петруниной, что у Пушкина «...чудесное вплетается в ткань повествования реалистического» [10, с. 49], и усомнимся в правоте Н. Розена, утверждавшего, что игровое событие в произведении Пушкина имеет только сверхъестественное происхождение [11, с. 270]. На наш взгляд, сведение в наррации двух характеристик — время волшебное и время повседневно-бытовое — демонстрирует, что хронос задан сразу в двух осях координат. И ось непредсказуемого, необъяснимого пересекается с осью реально-исторической в художественном мире «Пиковой дамы».

Двойная система хронотопических координат дает о себе знать и тогда, когда читатель стремится понять, в какой жанровой системе и, соответственно, в какой плоскости бытия ему необходимо декодировать такой пространственный элемент текста, как глагол «запереть». Ученые еще в XX веке выдвинули гипотезу [6, с. 8], что Германн входит в дом графини сквозь запертые двери: швейцар «запер двери», но «...в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени...» [4, с. 223-224]. Литературоведы предположили, что так дает о себе знать логика чудесного.

Между тем в «Словаре языка Пушкина» этот глагол обладает двумя значениями: «замкнуть, закрыть на замок, запор» и «затворить», прикрыть дверь, не пользуясь замком [12, с. 81]. В своих произведениях автор использует оба значения глагола «запереть». В повести «Станционный смотритель» Самсон Вырин ждал у «запертых дверей» петербургской квартиры дочери, позже «ключ загремел, ему отворили...» [4, с. 96]. И, напротив, без ключа открываются запертые двери в «Выстреле». Граф «..запер двери, не велел никому входить...», но в кульминационный момент запертые двери с легкостью отворяются, не давая совершиться непоправимому: «Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились, Маша вбегает и с визгом кидается мне на шею...» [4, с. 68].

Оказавшись во внутреннем мире «Пиковой дамы», читатель не может однозначно решить, какими жанровыми «навигаторами» ему воспользоваться для определения способа преодоления героем закрытого пространства – чудесным или бесчудесным? Если и допустить, что обычный человек (Германн) волшебным образом прошел сквозь запертые двери, то странным покажется факт, что призрак графини уходит из комнаты Германна неволшебным образом, хлопая дверью: «Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях...» [4, с. 233].

Вдумчивый реципиент «Пиковой дамы» постоянно балансирует на границе были и вымысла, пытается найти ответ и ...тут же сомневается в его правильности, поскольку перед ним находится полисмысловая магма текста. Неакцентированно вкрапленные нарратором в произведение хронотопические сбивки (долгая зимняя ночь, оказавшаяся недолгой) или потенциально двойственно понятые элементы художественного мира (запертые на ключ двери или только прикрытые без замка и ключа) формируют полижанровую структуру текста [13, с. 48], которую можно определить как повесть «случай-или-сказка».

Согласимся с литературоведами, заявляющими, что художественный мир «Пиковой дамы» создан как полижанровая структура и как жанровое пограничье. Аргументируя

точку зрения последних, укажем, что граница задана и в восприятии героя. К примеру, Германну во всей произошедшей истории многое «показалось» или «казалось»: «казалось», что «неведомая сила» влекла Германа к дому графини [4, с. 220]; «показалась» усмешка мертвой графини [4, с. 232]; и даже «показалось», что пиковая дама на карте усмехнулась и прищурилась [4, с. 237]. Этот глагол не дает возможности ни герою, ни читателю однозначно решить: случившееся волшебным образом пригрезилось субъекту или, не пригрезившись, лишь неотчетливо увиделось в действительности? Иначе говоря, все это было в реальности или случилось только в воспаленном мозгу персонажа? Любое решение стало бы своеобразным шагом в сторону одного жанра и одной модели мировидения, но текст Пушкина представляет нам постоянное пограничье и динамическое взаимодействие различных жанровых начал: сказочно-фантастического и повседневно-исторического.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, акцентируем и уточним основные суждения. Полагаем, что в зоне видения нарратора «Пиковой дамы» оказываются гармонично соположены полярные начала (о синтетической повествовательной ткани говорил еще В. В. Виноградов [14, с. 75]). На наш взгляд, перед читателем оказывается гармония нарративных и жанровых единиц в духе «лука и лиры» – **гармония сопряжения противоположностей** [15, с. 66–67], в том числе объединения элементов жанров-антиномий: бытовой новеллы и сказки, фантастической и нефантастической повести. Благодаря их совмещению, иррациональное, стихийное проникает в реальный (прозаический, исторически определенный) мир, тем самым посюстороннее перестает быть одномерным. Вместе с тем энергия волшебного оказывается не в силах вырваться из рамки ясного, несказочного витального взгляда нарратора. Внутренний мир художественного произведения выглядит динамичным, а не окончательно решенным или статичным.

Так же динамично «Заключение» текста, в его последних строках — возврат к прозе жизни и ...залог возможного повторения событий с новыми героями. Тому подтверждение — сходство судеб Лизаветы Ивановны и графини, этим сходством рождается предположение, что через какое-то время в жизни Лизаветы Ивановны возможно вновь оживет тайна трех карт. Таким образом, сюжетная завершенность в «Заключении» соплагается со своей антитезой — гипотетически возможным возобновлением и повторением сюжета.

Заметим, что в первой сохранившейся редакции «Пиковой дамы» автор ни разу не употребил глагол «казаться» или его однокоренных вариантов; изображенные события здесь формировали единый повседневно-реалистический план жизни — концентрировались в очевидной действительности [4, с. 495–496]. В окончательной же редакции текста Пушкин поменял строение художественного мира, усложнив его: теперь чудесное «взрывает» заранее продуманный порядок жизни героев (о предсказуемости своей жизни думает Германн в начале произведения), а логико-рациональное начало охраняет витальные силы от экстатического взрыва случайностей или фантастического объяснения произошедшего, одновременно обнажая свою инерционную силу.

Изменил автор и нарративную природу своего творения, исключив рассказчика из действующих лиц; первый вариант текста начинался словами: «Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей...» [4, с. 495]. Как видим, сначала рассказчик был одним из героев всего происходящего. Окончательная же редакция

«Пиковой дамы» представляет собой усложненную повествовательную природу: в тексте **зрение нарратора – это контрапункт видения, но не всезнания**. Непрерывная смена точек зрения на изображаемые событие и хронотоп; полижанровая природа текста и обусловленная этим возможность нескольких толкований одного события и хронотопической детали; финал, в котором заложено вероятное возобновление сюжета – все это провоцирует бесконечный внутренний диалог читателя, он сталкивается с невозможностью что-либо решить окончательно. Создается «неразъятая анализом тайна события» [\[6, с. 8\]](#), она состоит в том, что жизнь обладает бесконечным числом перспектив саморазвития, не укладывающихся ни в какие жанрово-онтологические модели.

Сам Пушкин, утверждая эту многовариантность и оптимистическую перспективу грядущего, в письме другу восклицал: «Но жизнь все еще богата...» [\[16, с. 286\]](#). Автор, благодаря своему «стереометрическому» зрению и дару угадчика, видел полярно-синтетическую сущность Жизни, ее многомерность и таким строением текста «Пиковой дамы» открывал простор «свободной игре смысловых возможностей» [\[17, с. 79\]](#).

Библиография

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии 1843. Статьи о Пушкине: 1843–1846 / В. Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 99-583.
2. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1948. – 436 с.
3. Муравьева О. С. Фантастика в повести Пушкина "Пиковая дама" // Пушкин: исследования и материалы. Т. 8. – Л.: Наука, 1978. – С. 62-69.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 6. Художественная проза / Примечания проф. Б. В. Томашевского. – Л.: "Наука" Ленинградское отд., 1978. – 577 с.
5. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Бочаров С. Случай или сказка? // Литература. Еженедельное приложение к газете "Первое сентября". – 2000. – № 3. – С. 7-8.
7. Шмид В. "Пиковая дама" как метатекстуальная новелла // Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: "Повести Белкина" и "Пиковая дама" / пер. с нем. А. И. Жеребина (I и II части); 2-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – С. 287-325.
8. Филонов Е. А. "Пиковая дама" Пушкина: к вопросу о генезисе жанра петербургской повести // Культура и текст. – 2023. – № 2 (53). – С. 31-47. DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-31-47 EDN: PCPGNX
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
10. Петрунина Н. Н. Пушкин и традиции волшебного повествования (к поэтике "Пиковой дамы") // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 30-50.
11. Nathan Rosen. The Magic Cards in The Queen of Spades // The Slavic and East European Journal. Vol. 19. No. 3 (Autumn, 1975). Pp. 255-275.
12. Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1014 с.
13. Проданик Н. В. Образ Петербурга в "Пиковой даме" А. С. Пушкина: поэтика хронотопических противоречий // Пушкинские чтения – 2003. Петербургский текст повседневной культуры: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт – Петербург, 6 июня 2003 г.) – СПб: Лен. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2003. – С. 43-49.
14. Виноградов В. В. Стиль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии

- / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 2. – С. 74-147.
15. Асоян А. А. Катарсис, "лук и лира" и гибель Пушкина // Вестник Омского университета. – 1997. – № 2 (4). – С. 66-67.
16. Пушкин А. С. П. А. Плетневу // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10. Письма / текст проверен и примечания составлены проф. Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под ред. проф. Б. В. Томашевского. – Л.: "Наука" Ленинградское отд. 1979. – 713 с.
17. Чумаков Ю. Н. "Евгений Онегин" и русский стихотворный роман. – Новосибирск: НГПИ, 1983. – 86 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья, представленная к публикации, ориентирована на анализ повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». Проблемный вектор работы вполне конкретен, точен, субъективен. Общий аналитический ценз выверен, фактические составляющие учтены: например, «Вместе с тем нарративное решение этого сказочного хронотопа выглядит вполне реалистически, неволшебно: нарратор никак эмоционально не акцентирует чудесную смену времени суток. Интонационное спокойствие нарратора не дает читателю сразу заметить этот хронологический парадокс. Тем самым формируется полижанр, в котором, наряду с контроверзой жанров сказки и новеллы/повести, соединяются сказочный хронотоп и его реалистически бытовая наррация» и т.д. Работа имеет законченный вид, она достаточна аналитична, позиция автора точна и объективна. Стиль соотносится с научным типом изысканий: например, «двойная система хронотопических координат дает о себе знать и тогда, когда читатель стремится понять, в какой жанровой системе и, соответственно, в какой плоскости бытия ему необходимо декодировать такой пространственный элемент текста, как глагол «запереть». Ученые еще в XX веке выдвинули гипотезу [6, с. 8], что Германн входит в дом графини сквозь запертые двери: швейцар «запер двери», но «...в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени...» [4, с. 223–224]. Литературоведы предположили, что так дает о себе знать логика чудесного». Как видно, ссылочный вариант вполне объективен. Проблемный вектор работы может иметь и новый извод, но в пределах данного текста часть задач так или иначе решена. Автор приходит к выводу, что «Как видим, сначала рассказчик был одним из героев всего происходящего. Окончательная же редакция «Пиковой дамы» представляет собой усложненную повествовательную природу: в тексте зрение нарратора – это контрапункт видения, но не всезнания. Непрерывная смена точек зрения на изображаемое событие и хронотоп; полижанровая природа текста и обусловленная этим возможность нескольких толкований одного события и хронотопической детали; финал, в котором заложено вероятное возобновление сюжета – все это провоцирует бесконечный внутренний диалог читателя, он сталкивается с невозможностью что-либо решить окончательно. Создается «неразъятая анализом тайна события». Таким образом, цель работы как таковая достигнута, актуализация вопроса аргументирована, позиционные позиции достигнуты; общие требования научного издания учтены. Считаю, что рецензируемая статья ««Пиковая дама» А. С. Пушкина как полижанровый текст: хронотоп, наррация и мировоззрение автора» может быть рекомендована к открытой

публикации в журнале «Филология: научные исследования», так как ее базовые составляющие выполнены.